

Кровь прилила к лицу Ли, а в следующую секунду будто заледенела. «Я дал вам шанс...» Генерал лихорадочно прокручивал в голове события последних дней. Его прошиб холодный пот. Страх ледяной рукой сжал сердце.

— У тебя были доказательства с самого начала?! — его голос сорвался, дыхание стало частым.

Сюй Линван улыбался. В его глазах отражалась жалкая, загнанная фигура генерала. Он наслаждался моментом триумфа.

— Именно так, генерал. И кстати, ваши предыдущие откровения уже разошлись по штабу. Боюсь, это создаст вам некоторые неудобства.

Линван редко использовал феромоны для подавления — он считал это признаком дурного тона и слабости. Но сейчас он чувствовал странное удовлетворение. Он не ошибся: Ли действительно собирался его убить. Линван был для него слишком опасен. Ли жаждал его таланта, но не мог позволить свидетелю своего позора жить. После окончательной победы Сюй должен был «тихо исчезнуть».

— Вы сами пришли в мою ловушку.

Линван вздохнул с притворным сожалением:

— Я давал вам выбор. Но вы оказались слишком жадным.

Ли, осознав, что его переиграл вчерашний студент, искажил лицо в гримасе ярости. Он дернулся, чтобы позвать охрану. Линван перехватил его руку, сорвал браслет и одним движением вывел из строя систему связи.

— Можете звать. Но пока вы в моих руках, они не посмеют войти, — отрезал Сюй. Ли посмотрел на него с жгучей ненавистью, которая сменилась горькой усмешкой.

— Ослеп на старости лет... Попался на удочку соплика.

Линван рассмеялся: — Про ослепление — в точку. Но не валите всё на меня. Я лишь защищался. Не стоит надеяться, что я буду стоять и ждать, пока вы меня прирежете. Не прячьте свою гнилую натуру за красивыми словами. Люди сложны: в них уживаются благородство и жадность, ум и глупость. В моменты страсти и жажды власти человек способен на что угодно.

Ли смотрел на Линвана так, будто видел его впервые. Он понял: этот мальчишка видел его насквозь. Когда Ли заговорил о «помутнении рассудка», он пытался оправдаться? Нет, он просто хотел сохранить хоть какое-то лицо перед лицом краха.

В дворике стояла тишина — охрана еще не знала, что их хозяин повержен. Внезапно послышался рев моторов. К воротам подкатили броневики.

— Резиденция генерала Ли! Посторонним вход воспрещен! — крикнул гвардеец. Из машины вышел генерал Хэ. Его конвой быстро разоружил охрану Ли.

В гостиной Линван уже убрал давление феромонов. Оба слышали шаги в коридоре. Ли встал, поправляя мундир.

— Всё кончено, — глухо произнес он. — Сюй, возможно, встретиться мы при других

обстоятельствах, я бы стал тебе наставником.

Генерал Хэ ворвался в комнату, и Ли не дождался ответа. Линван не верил ни единому его слову. Может, Ли и говорил искренне в эту секунду, но это не имело значения. С того момента, как генерал решил украсть его славу и задумал убийство, между ними мог быть только один победитель. И Сюй не собирался проигрывать.

Генерал Хэ посмотрел на Линваня долгим, сложным взглядом и похлопал по плечу:

— Дальше мы сами. Иди отдыхай, парень.

— Спасибо, генерал, — улыбнулся Линван.

Он вышел из дворика, но направился не в общежитие, а в медблок. Ему нужно было проверить, как препараты Ли повлияли на организм.

— Всё в порядке, — сказал врач, изучив результаты анализов. — Дозы снотворного и миорелаксантов были большими, но не критичными. Больше не принимайте их, налегайте на витамины и правильное питание.

— Благодарю, доктор.

На выходе его ждал Ся Гаолан. В коридоре было слишком людно, поэтому Линван просто кивнул:

— Идем ко мне.

В маленькой, но уютной каюте майора Гаолан наконец выдохнул. Линван налил ему воды.

— Я транслировал запись через командные каналы всех пяти тысяч бойцов... — Гаолан отчитался о проделанной работе.

— Ты молодец. Ли слишком зарвался после победы, и Хэ с Фаном только и ждали повода, чтобы его прижать. Теперь ему не отмыться, — усмехнулся Линван.

Гаолан спросил: — Генерал Хэ дружен с маршалом Чу. Почему вы не обратились к нему сразу?

— Маршал хотел свести Мян-Мяня с Ван Юем. Я долго думал — почему, ведь Мян-Мянь еще так молод. Теперь я понимаю: маршал знал, что болен, и хотел передать дела молодым, обеспечив сыну защиту. Но связи с семьей Хэ — это ресурс, который нужно тратить экономно. Я еще не член семьи Чу, так что свои проблемы привык решать сам.

Линван не был уверен в амбициях Хэ. В таких планах чем меньше людей, тем меньше переменных. Ся Гаолан был с ним в одной лодке — это был контролируемый фактор.

— Теперь, когда Вая отступает, режим в закрытой зоне смягчат, — заметил Ся. — Вы сможете связаться с внешним миром.

— Это лучшая новость за сегодня.

Генерал Хэ вернул ему браслет, изъятый Ли. Надев его, Линван первым делом подумал о Жунмяне. Он быстро набрал сообщение:

Сюй Линван: [Как маршал?]

Ответ пришел почти мгновенно.

Чу Жунмянь: [Всё по-прежнему. Я пытался тебе писать, но сообщения не уходили — выпрыгивал красный восклицательный знак. Только сейчас дошли. Как ты?]

Сюй Линван: [Да, тебе удобно сейчас по видеосвязи?]

Чу Жунмянь вышел из палаты и направился в больничный сад, где прогуливалось много пациентов. Увидев сообщение, он сразу нажал на кнопку вызова. Раз Сюй спрашивает, удобно ли, значит сам он точно готов.

Линван принял вызов. Голографическая проекция Жунмяня появилась перед ним: всё те же золотые волосы и ярко-голубые глаза, юность в самом расцвете. Жунмянь внимательно оглядел альфу.

— Почему ты такой понурый? В штабе совсем загоняли? — обеспокоенно спросил он. — В закрытой зоне сейчас стало посвободнее, я пришлю тебе чего-нибудь вкусенького. От столовской еды тебя скоро тошнить начнет, а ты ведь тот еще гурман. Если устанешь, иди отдыхать в папин дворик. Я скажу охране, чтобы тебя пустили, там очень уютно. Не переусердствуй, делай перерывы, не загоняй себя.

Жунмянь на секунду замолчал, вспоминая наставления своего апа — кажется, он выразился именно так, как советовал отец.

Сюй Линван долго и молча смотрел на него.

— Чего молчишь?

Жунмянь придвинулся ближе к камере. Его длинные ресницы напоминали крылья бабочки, готовой взлететь, а туманно-голубые глаза были глубоки и прозрачны, как море.

— Просто кажется, что я вечность тебя не видел. Хочу насмотреться и послушаться твоего голоса, — с улыбкой ответил Линван. Проведя столько времени взаперти у генерала Ли, а до этого пережив долгую разлуку после отъезда Жунмяня, он чувствовал, что прошли годы. Он долго жил в мире сухих расчетов и интриг, и голос Жунмяня будто выдернул его из одной реальности в другую.

Жунмянь довольно сощурился:

— Ты альфа, а такой прилипчивый. Я, конечно, тоже скучал, но по тебе сразу видно — ты сохнешь по мне сильнее. Впрочем, так и должно быть. О ком тебе еще думать, если не обо мне? Как только состояние папы стабилизируется, я прилечу к тебе.

— Болезнь маршала настолько серьезна? — спросил Сюй.

— Есть угроза жизни. Даже если сейчас получится купировать кризис, последствия останутся навсегда, — честно признался Жунмянь. Официально всё еще говорили о «старых ранах», требующих покоя.

— Понимаю. Тебе тоже нужно отдыхать, ты выглядишь... изможденным, — Сюй Линван запнулся. В глазах Жунмяня притаилась грусть, он стал серьезнее, но назвать его «изможденным» было сложно — его красота была такой ослепительной, что усталость лишь придавала ему трогательный, хрупкий вид.

— Правда? — Жунмянь явно заволновался о своем внешнем виде.

Линван, кривя душой, подтвердил:

— Да.

Жунмянь тут же отключил связь.

«...» Сюй Линван понял, что сам выстрелил себе в ногу. Пришло сообщение: [Приду в себя — перезвоню.]

Линван очень хотел нажать кнопку «отменить отправку» на свою последнюю реплику.

Генерал Хэ тем временем препроводил генерала Ли в зал заседаний. Там он включил аудиозапись с браслета Хэ Юйшу и ту самую первую запись, предоставленную Ся Гаоланом, где Линван консультировал Ли. Это была публичная казнь. Ли сидел с каменным лицом, но его пальцы под столом судорожно сжимали край мундира. Присутствующие офицеры обменивались красноречивыми взглядами.

Один из генерал-майоров нарушил тишину:

— В уставе четко прописаны санкции за присвоение чужих заслуг. Обычно это дисциплинарное взыскание, но в случае серьезных правонарушений — уголовная ответственность.

Ситуация с Ли была из ряда вон: его статус, похищение Сюй Линвана, использование его интеллекта для получения наград... это бросало тень на весь штаб. В армии случалось, что начальники забирали славу подчиненных, но на уровне генерала делать это так топорно считалось верхом неприличия. Точнее, неприличным это стало, когда вскрылось. Если бы тайна осталась тайной, Ли почивал бы на лаврах вечно.

Генералитет замер. Они осознали: пытаюсь поймать удачу за хвост, Ли сам угодил в капкан. А Сюй Линван... этот юнец оказался крайне опасен. Сначала Ли пытался его использовать, но в итоге вся эта история лишь укрепила репутацию Сюя. «С этим парнем лучше не связываться», — к такому выводу пришли все присутствующие.

— Раз так, мы не можем вынести окончательный вердикт сами. Нужно передать дело генерала Ли в военный трибунал. У кого есть возражения? — спросил Хэ. Трибунал обожал подобные дела. Офицеры посчитали это идеальным выходом — скинуть горячую картошку юристам. Бывшие сторонники Ли не спешили его защищать — слишком уж грязным было дело. Флюгеры же и вовсе были готовы его растоптать, чтобы выслужиться перед новым руководством. У семьи Ли не было прочного фундамента, кроме самого генерала — молодежь там была бестолковая. После этого скандала репутация Ли была уничтожена навсегда, а род ждало увядание.

Генерал Хэ, глядя на крах коллеги, чувствовал смутную тревогу. Ли был опорой своей семьи, но совершил роковую ошибку. Сам Хэ был еще в силе, да и Юйшу подавал надежды. Он вспомнил о Сюй Линване, и на его губах появилась загадочная улыбка. «Старик Чу... нашел же он отличный росток для своего дома».

Оставался один вопрос: что делать с украденными заслугами Сюя? Информация еще не ушла в

Парламент, отчеты должны были отправить только после завершения кампании. О преступлении Ли знали только в армии. Если бы не громкий скандал, затеянный Линванем, дело бы замяли.

— Раз операциями руководил Сюй Линван, запишем все заслуги на его счет, — предложил Хэ.
— Слухи уже пошли по всем частям, мы не можем просто проглотить достижения младшего офицера.

Генералы, уловив тон, согласно закивали.

— Да, нужно восстановить справедливость.

— У майора Сюя действительно божий дар тактика.

— Решено. Нужно дать людям объяснение.

Когда совещание закончилось, вице-адмирал Фан задержался.

— Хэ, мы действительно отдадим старого Ли под трибунал? — нерешительно спросил он.

— Будь здесь маршал, он бы рассудил. Мы не в том статусе, чтобы рубить с плеча.

— Но это внутреннее дело армии, — возразил Фан. — Громкий процесс ударит по нашему имиджу. Не стоит выносить сор из избы.

Фан не ладил с Ли годами, но видеть, как старый коллега идет на плаху, было невыносимо.

В этот момент на браслет генерала Хэ поступил вызов. На экране мигало имя: Маршал Чу.

— Маршал, — почтительно произнес Хэ.

— Я в курсе ситуации с генералом Ли, — раздался голос из динамика. — Трибунал отставить. Отправьте его домой. Понижение в звании на три ступени. Пусть сам напишет в Парламент прошение об отставке по собственному желанию. И прижмите языки в армии: никаких слухов, иначе — под суд по законам военного времени. Заслуги Сюй Линваня зафиксировать, награды вручим после войны.

— Слушаюсь, маршал, — ответил Хэ. Это был жест милосердия. «По собственному желанию» — благовидный предлог, сохраняющий лицо семьи.

— Хорошо, — кратко бросил Чу и отключился.

Фан облегченно вздохнул:

— Кажется, маршал всё так же мудр. Судя по голосу, он идет на поправку.

Маршал Чу отложил браслет. Перед глазами по-прежнему была тьма.

— Всё еще злишься?

Жунмянь, который сначала бросил трубку в разговоре с Линванем, но потом позволил себя уговорить и проболтал с ним еще полчаса, теперь стоял перед отцом. Узнав от Юйшу

подробности о пленении Сюя, он пришел в бешенство. И после подтверждения от самого Линваня сразу бросился к отцу требовать справедливости.

— И это ты называешь «справедливостью»?! — Жунмянь яростно сверлил отца взглядом, хоть тот и не мог его видеть.

— Я чувствую твой взгляд, — хмыкнул маршал. — Это лучший исход. Линван получил, что хотел. Ли получил урок и больше не опасен. Теперь при каждом упоминании карьеры Сюя имя Ли будут вспоминать как позорный пример. Те, кому надо, всё знают. А трибунал — это позор на всю Федерацию, семья Ли этого бы не пережила.

Лицо маршала стало суровым:

— Мелкие сошки мстительны. Сейчас мы дали Ли по зубам, он почувствовал боль. Но, позволив ему уйти «красиво», мы заставляем его семью быть благодарными за спасение. Если они еще раз посмеют тронуть Сюя, им уже не подняться. И я не позволю превращать армию в балаган. Грязное белье должно оставаться в прачечной.

Жунмянь схватил отца за руку. У него на языке вертелось море колкостей, но он вспомнил прошлый совет и просто яростно вывел на ладони маршала: Я НЕ СЛУШАЮ, и поставил жирный восклицательный знак.

— Твой парень сыграл жестко и дерзко, — заметил Чу. — После такого никто в здравом уме не рискнет воровать его заслуги. Ты недооцениваешь своего альфу.

Жунмянь написал: «Какое это имеет отношение к тому, что его обидели?» Маршал замер. На его лице отразилась гамма чувств.

— Ты даже заговорил по-человечески... Поверь, Ли больше не поднимется. Можешь спросить у своего Сюя — он оценит этот ход. Ты выбрал отличного альфу, у него мой стиль работы.

Жунмянь не удостоил отца ответом.

Он ушел в сад и снова набрал Линваня. Тот как раз вышел из душа. Линван собирался одеться, но, помедлив секунду, накинул халат на голое тело и принял вызов. Жунмянь увидел в камере влажного, невероятно красивого альфу в полураспахнутом халате, сквозь который проглядывала крепкая грудь. Он кашлянул, отводя взгляд, и пересказал решение отца.

Линван сел на край кровати, халат слегка приоткрыл бедро. Он задумался, а затем улыбнулся:

— Решение маршала идеально.

— Но он обещал наказать его за тебя, а в итоге защитил репутацию Ли! — буркнул Жунмянь.

— Как только правда разошлась по штабу, Ли проиграл. Я получил признание.

Для Линваня понижение Ли до полковника (три ступени вниз) и фактическая ссылка домой были суровым наказанием. В его планах трибунал мог закончиться лишь выговором без потери звания. Маршал же действовал хирургически точно: он дал Ли выбор между тихим позором и полным уничтожением.

Заметив усталость в глазах альфы, Жунмянь смягчился:

— Ложись спать, ты вымотан.

— Хорошо, — Линван тепло улыбнулся. — Буду скучать.

Он уснул, едва коснувшись подушки.

Генерал Ли, приняв условия маршала, вернулся домой. Он молча составил отчет для Парламента и отправил его. Забрав свои вещи, он покинул штаб, не проронив ни слова. Его грызло раскаяние. Он не должен был этого делать. Теперь до конца дней его будут преследовать тени этого позора. «Эти двое... просто психи», — думал он. Ли не боялся безумцев, но он боялся хладнокровных стратегов. Он попытался переиграть Сюя, а тот просчитал его до костей и подставил под удар всю его семью.

Ли осознал: его ослепила жажда власти. Он стал зверем в погоне за креслом маршала, но не смог скрыть свою пустоту за высокими словами.

Когда слухи о падении Ли начали просачиваться, Ван Юй, видевший себя будущим зятем великого генерала, моментально отрекся от покровителя. В его душе кипела злость и разочарование. «Старый дурак! Если уж взялся за такое, надо было убивать Сюя сразу, не давая ему и рта раскрыть. Нет свидетеля — нет проблемы!» — бушевал Ван Юй. Вся его работа по обольщению семьи Ли пошла прахом. Опять Сюй Линван! В семье Чу он увел Жунмяня. В семье Ли он уничтожил тестя. Ван Юй чувствовал, что его жизнь превращается в руины из-за одного человека. Те, кто вчера заискивал перед ним, теперь обходили его стороной, как прокаженного. Его феромоны стали нестабильными от ярости — победа была так близка, но снова ускользнула.

На браслете внезапно вспыхнуло уведомление о вызове. Ван Юй поначалу не хотел отвечать, но, что-то обдумав, подавил раздражение и принял вызов. Из динамика донесся всхлипывающий голос омеги:

— Ван Юй, что мне делать? Папе конец... Что со мной будет? Что будет с нашей семьей?

«Зачем ты спрашиваешь меня? Разве я могу это решить? Тупица», — подумал Ван Юй. Его тон был пропитан нетерпением:

— Твои вопросы бессмысленны. Сейчас — это лучший из возможных исходов. Дело не дошло до трибунала, так что вся Федерация об этом не узнает. Только те, кто в курсе ситуации в штабе, — он намеренно добавил последнюю фразу, чтобы побольнее уколоть собеседника.

Пока за молодым господином Ли стояла власть, Ван Юй буквально носил его на руках. А тот умел изводить людей своими капризами, и Ван Юю доставалось сполна. Теперь же роли поменялись, и он с удовольствием сыпал соль на рану. Младший Ли снова разрыдался:

— Я не хочу уезжать из Столичной планеты! Я хочу остаться здесь... Ты ведь любишь меня? Я согласен выйти за тебя замуж!

Ван Юй тонко улыбнулся, его голос стал обманчиво мягким:

— Дорогой мой Ли, сейчас ты не стоишь и ломаного гроша. С чего ты взял, что я продолжу выбирать тебя? Мне искренне жаль, что всё так вышло, но это не повод на тебе жениться. Я не собираюсь разделять твою участь.

Плач на том конце прервался, а затем сменился надрывным воем:

— Почему... почему меня никто не любит?!

Ван Юй с отвращением сбросил вызов и одним движением заблокировал номер.

Генерал Ли, услышав рыдания наверху, поднялся и увидел сына в полубоморочном состоянии над погасшим браслетом.

— Не трать слезы на тех, кто этого не стоит.

При нем Ван Юй всегда был нежным, внимательным, молодым и красивым альфой из хорошей семьи с безупречной репутацией. Младший Ли хоть и был недалеким, но успел по-настоящему в него влюбиться. Поэтому в панике он бросился к Ван Юю, надеясь через брак зацепиться за Столичную планету. Сын, захлебываясь слезами, пересказал отцу жестокие слова своего «возлюбленного».

— Если бы он согласился на брак, семья Ли приложила бы все силы, чтобы продвинуть его. Но раз он повел себя так — забудь о нем, — отрезал генерал. «Даже поверженный верблюд больше лошади» — за годы службы Ли накопил достаточно средств, чтобы обеспечить безбедную жизнь в провинции.

— Но почему он меня не любит? Почему?! — младший Ли не мог поверить в такое предательство.

«Потому что в тебе больше нет пользы», — холодно подумал генерал. Оказывается, Ван Юй был той еще дрянью — прикрывался маской благородства, дурача омег, которые считали его «альфой мечты». Семья Чу вовремя раскусила его, а вот Ли попались.

Генерал считал, что относился к Ван Юю неплохо, но стоило ему оступиться, как тот мгновенно оскалился. Это переобувание в воздухе было поистине впечатляющим. Похоже, семья Чу давно видела гнилую душу под красивой оболочкой и предпочла выбросить его на свалку. Но что насчет Сюй Линваня, которого они выбрали?

Ли мрачно усмехнулся. Почему он так рьяно пытался захватить власть? Он получил инсайд из госпиталя: болезнь маршала Чу связана с ментальным полем, и шансов на выздоровление почти нет. Шила в мешке не утаишь, скоро об этом узнают все. Маршал спас его от трибунала, и Ли не собирался болтать лишнего. Но Сюй Линван — это настоящий шакал. Когда маршал окончательно падет и не сможет больше защищать свой клан, бросит ли Линван тонущий корабль Чу, чтобы перебраться на судно покрепче? Ли хотел это увидеть. Он будет наблюдать за Сюем. Посмотрит, как далеко тот зайдет — или как сорвется с высоты, превратившись в кровавое месиво.

<http://bllate.org/book/16059/1442697>